

Надежда Васильева

БЕСОВЫ СЛЕДКИ

Надежда Васильева

Бесовы следки

«Издательские решения»

Васильева Н. Б.

Бесовы следки / Н. Б. Васильева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906200-0

«Бесовы следки» — повесть из трилогии под названием «Когда ангелы поют», которая вошла в финал Международной Бунинской премии в 2013 году. Главная героиня, врач-травматолог по профессии — личность яркая, противоречивая, необузданная в своих желаниях и устремлениях, переосмысливает свои жизненные ориентиры. Дорога к Храму души у каждого своя, порой очень нелёгкая, выстраданная, и от того ещё более осознанная и необходимая.

ISBN 978-5-44-906200-0

© Васильева Н. Б.
© Издательские решения

Содержание

I	6
II	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Бесовы следки

Надежда Борисовна Васильева

Редактор Элина Георгиевна Растатурина

© Надежда Борисовна Васильева, 2018

ISBN 978-5-4490-6200-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Всю ночь мерещилась большая чёрная подстреленная птица. Всё пыталась взлететь и не могла. Только беспомощно махала крыльями. Татьяне хотелось, чтобы птица непременно улетела. Чувствовала себя этим подранком. И молила – то ли себя, то ли её: – Ну, давай же, лети, ну!

Даже муж Анатолий проснулся и тронул её за плечо.

– Танюш, ты чего?

Но она не ответила, а только досадно отвернулась. И снова эта птица: ещё один рывок, ещё взмах растрепанных крыльев... Над поляной закружились чёрные перья, птица всё-таки взлетела, набрала высоту и уже почти скрылась из виду, но почему-то вернулась обратно, паря в воздухе, над самой её головой. Теперь уже отчетливо было видно, что это король птиц – чёрный дятел. И вдруг... выстрел! Дуплетом! Распластав крылья, птица замерла в полёте, её тень легко опустилась на поднятое к небу лицо Татьяны. Мягкое прикосновение бархатистой глади оперенья, волна холода, пробежавшая по крепко сжатым скулам...

Сквозь сон услышала, будто кто-то легко стукнул в окно. «Татьяныч!» Что это? Чей голос позвал её сейчас? И кто мог стучать? Они ведь на пятом этаже... Господи! Прямо мистика какая-то!

Открыла балконную дверь. В лицо пахнуло талым снегом. На улице ни звука. Однако в голове отчетливым эхом все ещё звучало: «Татьяныч!»

Включила свет, взглянула на часы. Пять утра. Прошла на кухню, взяла с подоконника сигареты, закурила. Что же это за чертовщина такая? А может, Федька забил тревогу? Так вроде всё в порядке...

Федька – её домовой. Она любит рассказывать про него своим знакомым. Те изумленно округляют глаза: «Ты, врач, и веришь?!»

Татьяна пропускает это мимо ушей. Федька ей дорог с детства. Это все, что осталось у неё на память от бабули. Та передала ей Федьку в последнюю их встречу, словно предчувствовала что... «Я – старая, ему со мной скучно, а тебе ещё послужит...» Научила, чем заманить Федьку в сумку, как выпустить на новом месте, где поставить для него угощение да не забыть прошептать трижды простенькое, однако весьма важное присловье: «Домовой, домовой! Приходи дружить со мной. Будем вместе жить, будем крепко дружить. Я – тебя, ты меня – любить».

И до того Татьяна часто думала о Федьке, что даже пыталась представить, какой он на самом деле: мохнатый, с мягкими, как у кота, лапами, по-собачьи умными глазами и с цепким обезьяньим хвостом. Невидимый Федька, бабулин любимец, служил ей верно. Если Татьяна вдруг засыпала, забыв выключить свет, он предупредительно вырубал пробки. А однажды спас от пожара. В четыре часа ночи ни с того ни с сего зазвонил будильник. Распахнув дверь на кухню, Татьяна увидела, что металлический диск электроплиты раскален докрасна. Деревянная хлебница, рядом на столе, уже принялась тлеть.

Выключив плитку, она взяла будильник в руки, не веря своим глазам: стрелка звонка стояла на семи.

Муж все её разговоры про Федьку воспринимал с ухмылкой: мол, чем бы дитя ни тешилось... Но последний случай заставил и его озадаченно почесать в голове. Как-то вечером вся семья тихо-мирно смотрела телевизор. Вдруг в прихожей кто-то запищал. Потом послышались чьи-то лёгкие шажки по линолеумовому полу. Ни кота, ни собаки в квартире не держали. Чертыхаясь, Анатолий пошлёпал в кухню да так и обомлел: настенный шкаф с посудой накренился, вот-вот рухнет. Гвозди отошли от стены сантиметра на четыре. Ещё немного и было бы звону на весь дом. Обласкивая Федьку добрыми словами, Татьяна налила ему в блюдце сли-

вок и поставила около электроплиты. Анатолий только головой покачал, а сам утром первым побегал посмотреть, принял ли Федька угощение...

Сколько раз предостерегал их Федька от беды. Вот и этот тревожный стук в окно... Что-то случилось, как пить дать... Только что? А в голове снова прозвучало: «Татья-ныч!!!» Боже мой! Она сразу всё поняла! Так звал ее только Титыч. Несколько часов назад она впервые за четверо суток оставила его в больнице одного. Приступ миновал, и он, наконец, успокоился, заснул. Она еле отходила его в этот раз... А дома, скинув плащ и сапоги, рухнула на диван и провалилась в душную глубокую яму.

И вдруг этот стук!.. Надо бежать! Кинула в сумку сигареты, щёлкнула замком двери. На одном духе пролетела четыре лестничных пролёта. Так и есть! У крыльца уже разворачивалась «скорая». Андрюха, дежурный водитель, распахивая перед ней дверь кабины, выдохнул: «Умер! Михална!» – и хотел ещё что-то добавить, но она ошпарила его негодующим взглядом:

– Не каркай! Жми, давай!

А когда неподвижное и такое чужое тело Титыча отнесли в морг, попросила того же Андрюху отвезти её в лес.

Только-только начал отсчитывать первые дни апрель. На опушках проталины уже обсохли. Грязный снег в низинах ноздревато топорщился, стыдливо пуская из-под себя на дорогу мутные ручьи.

В прошлом году в это же время они с Титычем уже всю собирали и закатывали в банки берёзовый сок. «Суковица», как называл берёзовый сок Титыч, хранилась в гараже до самой осени... Ах, Титыч, Титыч! Умереть в такую пору! Когда всё, наконец, словно очнувшись от обморока, оживает после нудной и такой постылой зимы... Белые стволы берёз пачкали руки. Гладкая берёста холодила ладони. От соприкосновений со стволами плащ забелел известковыми пятнами. И только Титыча больше нет!.. Голова снова наливалась свинцом. Господи! Хоть бы выплакаться, что ли! По-бабьи, с причитаниями, с жалостью к себе... Только чёрта с два! Бабьего, видно, в ней мало, потому и не разродиться душе безутешными слезами, хоть не было в её жизни более истощающего горя. Бабуля, которую считала она самым близким себе человеком, умерла, когда Татьяна была в плавании. На могилу к ней она не ездила ни разу. Не признавала венков и памятников. Память не в холодных камнях и бумажных цветах... Вот и вышло, что со смертью родного человека она так близко столкнулась впервые. Да, родного, она не оговорила, хоть и знала Титыча всего лет пять, не больше. Такое бывает. Ведь истинное родство по духу, а не по крови. Он не был её родственником. Познакомились в поликлинике, на приёме...

– Ну, кто там следующий? – устало заглянула Татьяна в дверной проём. Терпеть не могла приёмов! Ещё операции ладно... С годами вся эта врачебная практика и вовсе надоела до тошноты. По молодости нравилось чувствовать себя хозяйкой, от которой зависят все эти такие беспомощные люди. Из серой массы ноющих и жалующихся научилась от скуки выделять тех, с кем общаться было интересно. Даже стала ждать таких встреч и, к удивлению медсестер, в таких случаях вся расцветала на глазах. Правда, случалось это редко. Чаще были дни, полные болотной тоски, когда, позёвывая, то и дело с тоской смотрела на часы и мечтала лишь о том, как бы скорее облачиться в лесную одежду, вскинуть на плечи рюкзак и почувствовать под собой упругое сиденье мотоцикла. Тот, кто видел Татьяну на приёме, не мог представить её в ватных штанах, болотных сапогах, в накинутой на плечи фуфайке. И наоборот, кому приходилось с ней охотиться, не верилось, что эта метко стреляющая и такая уверенная в лесу женщина может носить накрахмаленный халат, туфли на высоком каблуке и пышную высокую причёску. Боже! Скорее бы в лес!

– Больной! Нельзя поживее? – поторопила она чуть замешкавшегося за белоснежной ситцевой ширмой мужчину.

– Меня вообще-то Титычем все зовут, – донёсся до неё спокойный мужской голос.

– Неужели? – приподняла бровь Татьяна, а сама всё пыталась угадать по голосу, сколько же ему лет. Похоже, около пятидесяти. Взглянула на карточку. Ого! Ошиблась на целых тринадцать лет!

– Ну, раз так, садитесь, Титыч, – и, не скрывая любопытства, кивнула на стул, что стоял сбоку от стола.

– Как кличут? Иванов? Петров? Сидоров? – ёрничая, улыбнулась она, радуясь тому, что какой бы ни был, а последний на сегодняшний день и впереди выходной...

– Так точно, дочка, Сидоров, и звать Иваном, – охотно откликнувшись на её шутку, отпартовал он.

– У-у-у-у! Чую военную выправку! В каких войсках служить изволили?

– В ракетно-костыльных, милая, – лукаво прищурился он.

– Охрана, что ли?

– Она.

– Стало быть, выстраивали вечером своих «орёликов», ставили перед ними важную государственную задачу по охране объектов народного хозяйства и... погромыхали, родимые.

– Откуда и знаете всё?..

– Хм! – усмехнулась Татьяна, подпёрла щеку кулаком, с интересом стала разглядывать пожилого человека, диву даваясь, какое у того молоджавое лицо. Пепельного цвета волосы лежали волнами, будто только после бани. В продолговатых серых глазах играла улыбка. «Ну и дед! Хоть под божницу сажай! – с удовольствием отметила про себя она. – И юмора, и ума, и достоинства в меру... А ведь редкий человек умеет красиво стареть»...

– На что ж, милейший Иван Титыч, жалуетесь?

– Да косточка на ноге что-то вспухла... Давно беспокоит. Помоги, дочка, чем можешь. Не любитель я по больницам ходить, да хочется к весне в хорошей форме быть. До леса я сам не свой.

– Неужели?! – Лицо у Татьяны засветилось. В лес ездили они с мужем почти каждый день, с марта по ноябрь. Зимний лес Татьяна не воспринимала. Ей, выросшей в южных краях, он казался мёртвым. Застылые деревья, снег – белой простыней, как в покойницкой. Зато летом...

В лесу Татьяна любила ходить одна. Анатолий долго не мог к этому привыкнуть, всё боялся, что она заблудится. Чудак. Как можно заблудиться в лесу? Она никогда не брала с собой компаса, не выискивала дорогу по солнцу или ещё каким приметам. Собыётся с тропки – глянет на верхушки сосен и крикнет: «Лес Борович! Куда идти?» Повернётся вокруг – глядь: мелькнуло что-то в глазах, будто кто платком махнул. Туда и идёт. Выбьется с грибов – опять к Лесу Боровичу за советом. Не в ту сторону пойдёт – вся об сучья да об ветки обдерётся, спотыкаться начнет. Тут и ёжику понятно – поворачивай обратно.

Охота и рыбалка были любимыми темами её разговора. Как говорится, на ловца и зверь бежит. Лес любит... Значит, родная душа. Это хорошо.

– Работаете ещё? – поинтересовалась Татьяна.

– Нет, на пенсии, четвёртый год уж... Рыбачу, охочусь, грибы да ягоды своей хозяйке ношу.

– Счастливый! – с искренней завистью вздохнула Татьяна. Губы Титыча чуть тронула добродушная усмешка.

– Всему свое время. И вы, голубушка, от счастья этого никуда не денетесь.

– Скорее бы! – вполне серьёзно вырвалось у неё. – Была б моя воля, всю жизнь в лесу жила! – И, совсем неожиданно для себя, спросила: – А дробь «тройка» у вас есть?

– А как же!

– Ну, тогда, Титыч, я с вами играю! – радостно потерла ладони Татьяна. – Вот вылечу вашу косточку и в благодарность потребую, чтобы в лес с собой взяли да по местам своим заветным провели...

– Непременно. Я их в секрете от хороших людей не держу.

Так началось их знакомство. С тех пор в лес они ездили втроём, они с мужем и Титыч. Дед, как все карелы, был немногословен. Она в лесу лишнего разговоров тоже не любила. Приехав на место, Титыч в двух словах, а чаще при помощи жестов объяснял, что к чему, и они расходились.

Только вечером у костра за чаем Титыч неторопливо рассказывал об особенностях каждого болотца, бора, вырубки. Откуда и знал столько... Рядом с ним Татьяна отдыхала. Глаза у Титыча всегда излучали уют, таили в себе улыбку. Даже если охота или рыбалка были вконец неудачными, ни на лице, ни в голосе не появлялось раздражения. С ним было приятно и просто молчать. Татьяне не надо было дважды, как Анатолию, объяснять, почему поплавки лучше из берёсты, а не из пенопласта, в каком месте ставить сети, как делать чучела. Иногда Татьяна с удивлением замечала, что даже думают они с Титычем об одном и том же. Раскритичится скрипучим голосом сойка – «Противная птица!» – мелькнет у неё в голове. «Не люблю соек», – вслух произнесёт Титыч. Или, выйдя на опушку, насквозь пробитую солнцем, остановятся, улыбнутся друг другу. И какие уж тут нужны слова? А Анатолий крутит головой, не понимает: «Что остановились-то? Пошли!» И даже ревновал, то ли вправду, то ли шутивно... На что Татьяна грубовато отшучивалась: «Уймись, мой милый! Ты рядом с дедом, что племенной жеребец. Куда ему до тебя!»

Про своих жену и детей Титыч почти никогда не рассказывал, словно эта сторона жизни меньше всего его волновала. Татьяна видела его «супружницу» дважды и с первой же встречи невзлюбила её. Попадётся же человеку такая!

Анастасия Макаровна была второй женой Титыча. От первой детей у него не было, она погибла в самом начале войны. Анастасия Макаровна была младше деда на целых четырнадцать лет. Он взял её с двумя детьми, а своих так и не завёл.

...Тревожный сигнал машины заставил Татьяну вздрогнуть. Это Андрей. Ну, парень! Ведь русским языком сказала, чтобы не ждал, уезжал. Пойти отругать да отправить в больницу. Попуток здесь много, и без него доберусь до города к вечеру.

Целый день одна бродила по лесу. Мысли, цепляясь одна за другую, кружились в медленном хороводе.

С сосновой ветки тяжело взлетел глухарь. По привычке дёрнула плечом, как бы скидывая двустволку. И сразу вспомнилось, как ходили с Титычем на глухариный ток. Было это год назад, в начале мая. И хоть по вечерам в воздухе ещё чувствовался запоздалый дерзкий морозец, почки на деревьях уже треснули, дразня зелёными язычками. Молодая трава настырно пробивалась сквозь колючую щетину прошлогодних бобылок. Всё вокруг жило и дышало, выбирая из недр земли чудотворную силу.

В ожидании рассвета три часа сидели они у костра. Анатолий прикорнул на куче валежника. Они с Титычем тихонько беседовали.

– Дед, откуда у тебя такой нож классный? – спросила Татьяна, разглядывая шедевр ручной работы.

– С войны храню. У немца отобрал.

– А ты что, воевал?

– А как же?

– Почему ж тогда льготами участника не пользуешься?

– А на что они мне? Чай, не инвалид, ещё сила в руках-ногах есть... Это супружница моя всякий раз этим удостоверением трясёт, когда тряпку какую дефицитную достать хочет. По мне эти бумажки – были, не были... А вот нож добротный, ты это верно подметила. Уж столько лет служит... Нравится? – Она кивнула. – Тогда дарю. Держи!

– Что ты, Титыч! – замахала руками Татьяна. – Ни в коем разе! Такое не дарят...

– Так не кому-нибудь, а тебе...

И обоим вдруг почему-то стало неловко. Первой нашлась Татьяна.

– Ну, уж нет, Титыч, что ни говори, а нож при тебе должен быть. Я на этот счёт суеверная.

Он пожал плечами. А Татьяна, чтобы отойти от этой неловкой темы, с нарочитой таинственностью в голосе прошептала:

– Вот скажи, Титыч, ты в колдовство веришь? Давно тебя об этом спросить хотела...

– А как же? – ничуть не смутился он. – У моей супружницы в заброшенной деревне тётка живёт, уж девяносто три стукнуло, а по сей день к ней народ валом валит. Потерялась корова – мигом определит, где искать. Из людей пропадет кто – опять скажет: жив ли, мёртв, когда и что с ним случилось. Или вот местечко Бесов Нос взять... Охотники, ягольники, грибники блудят там по-страшному. И со мной случалось. Как-то раз целые сутки из лесу выбраться не мог. Полный день идёшь, идёшь, глядь – опять на том же месте. Не иначе как бес водил. С тех проклятых пор и не бывал там боле. А мужики и вовсе жуткие вещи рассказывали. Двое грибников вот так же, как я, заплутали и к ночи наткнулись на охотничий домик. Оторопели поначалу, зная, что никакой избушки в этих местах отродясь не бывало. Но вымокли все, делать нечего – решили заночевать, переждать непогоду. А за полночь принялся с ними бес шутки шутить. Только на лавки улеглись – давай он их на пол сбрасывать. То одного, то другого... Потом стал брёвна на стенах, как карандаши в коробке, перебирать, вокруг избы бегать, дверью хлопать... Короче, изгалялся, как мог, аж поседели мужики за ночь... С первыми лучами солнца выбрались из этой западни да бежать без оглядки... А сколько рыбаков там потонуло, сколько археологов пропало...

– А археологи-то здесь при чём?

– Выбитые на скалах рисунки изучали. И вот что дивно: несколько тысячелетий назад, рассказывают, были они вырублены на камнях – рыбы, птицы, люди, животные, – а сохранились по сей день. Нынешние мастаки сподобятся выдолбить рядом с древними рисунками матерные слова – смотришь: через год, другой смыло водой все начисто. Вот что это, а?

Татьяна молчала. Да Титыч и не ждал от неё ответа. Снял с костра кипящую в котелке воду, бросил в неё каких-то трав, помешал их оструганной палочкой, а когда отвар настоялся, налил Татьяне в кружку.

– Попей чайку, взбодрись, а то уж заморочил тебе голову своими байками...

– Что ты, Титыч! Ты не смотри, я хоть и врач, а во всё это верю. Подумать только, сколько в этих местах загадочного! Еще про Муромский монастырь слышала...

– Есть такой. Недалече от бесовых следков... Свою тебя как-нибудь туда, если хочешь. Поизгажены места святые нынче, но всё ж стоят храмы. Без окон, без дверей, без колоколов... а стоят. Упреком нам, грешным. Представь только, полтысячи лет... Каково, а?!

Хоть и слышала обо всём этом Татьяна и раньше, но сейчас воспринимала как внове. Сам голос Титыча, спокойный, ровный, как шум сосен, ласкал слух ненавязчивой умиротворяющей музыкой.

– ...Основатель монастыря чудотворцем был. Прибыл он в наши места из Новгорода, по сну вещему... И прожил, рассказывают, аж до ста пяти лет. Деревянная церквушка, какую он первым делом соорудил и освятил, долгое время ещё людей исцеляла...

– Скажи, дед, а в Бога ты веруешь? – Почему-то раньше этот вопрос не приходил ей в голову. – Только честно скажи, для меня это очень важно, понимаешь?

Титыч ответил не сразу, задумчиво шевелил угли в костре.

– Вера, Татьяныч, ещё никому не вредила. Крещёный я. В церкви, правда, не бываю, потому как нет у нас её... А икону в доме храню и заповеди Господни уважаю. Сама подумай: коли Творца нету, откуда тогда всё сущее взялось?

– Вот те раз, дед, а ведь никогда не говорил...

– А ты и не спрашивала. О вере, Татьянач, на каждом углу не кричат. Это дело душевное, тонкое... За веру, Татьянач, в былые времена люди себя живьём сжигали. Ты, поди, про «гари» староверов читала... Так ведь это всё, считай, в наших местах происходило.

Татьяна закрыла глаза, прислонилась головой к тёплому стволу старой шербоатой сосны. Представить трудно, а ведь было...

В домашней библиотеке отца хранилась большая коллекция исторических книг, от которых в детстве её было не оторвать. Таинственная Выгореция представлялась ей тогда второй Атлантидой. Тем более, что Карелия на военной карте отца казалась так далеко, почти у Полярного круга. Разве могла она тогда подумать, что когда-нибудь именно сюда и забросит её шальная судьба?

А Титыч уже тронул её за плечо:

– На ток пора. Буди Анатолия. Скоро светать начнет.

Побросал в костёр легкий мусор, засыпал угли песком, проворно вскинул за плечи рюкзак и первым нырнул в темноту.

Километра через два остановились. Над деревьями уже высвечивались предзвездные блики. Титыч замер, прислушался и легонько приобнял её за плечи: «Слышишь?» Но она уже ничего не хотела слышать, её вдруг обдало волной несказанной нежности. Страшно захотелось погладить глубокую улыбочку складочку на щеке Титыча и прижаться губами к ямочке на твёрдом подбородке. Только разве можно?! Не-е-ет! Ни в коем разе!

Где-то у кромки болота – теперь и она различила – раздалось громкое пощёлкивание. Вот оно всё чаще, всё азартнее. Глухарь словно поддразнивал их. Потом донёсся и вовсе странный звук, будто кто скоблил ножом по сухому дереву. Титыч успел сделать три скользящих шага и снова застыл, как вкопанный. Такими вот перебежками подобрались они ближе к сосне, на ветке которой важно восседал лесной красавец. Титыч сделал ей знак рукой: ни шагу дальше, можно спугнуть. Стал целиться. Вот упрямое цоканье повторилось снова. Глухарь распушил хвост, выгнул крылья, стал расхаживать по ветке. Гортанное щёлканье становилось всё звонче, всё быстрее. Глухарь отрешённо тряс головой, пшикал, шипел от избытка чувств. «Ну!» – нетерпеливо про себя скомандовала Татьяна и тут же вздрогнула от выстрела, который потряс всё вокруг. Огромная птица, ломая сучья и ветки, шумно шлёпнулась на землю. Лес замер, потрясённый. И у неё почему-то защемило в груди.

Титыч не спеша подошёл к дереву, поднял за лапы добычу. Глаза его светились каким-то незнакомым ей доселе светом. И не понять было: от радости или от сожаления.

Но вот он достал из рюкзака клеёнчатый мешок, аккуратно уложил в него птицу.

– Ну, Татьянач, один есть. Теперь дело за тобой. Не оплошай.

Однако, как ни странно, азарт охоты у неё почему-то прошёл. И сколько ни заставляла себя, справиться с настроением не могла. Подстрелить ещё одного глухаря ни ей, ни Анатолию больше не удалось. Титыч подарил им своего.

– Что ты, дед?! А что супружница тебе на это скажет? Он перевёл взгляд на верхушки деревьев.

– В лесу, Татьянач, всякие вожжи меж стволов путаются...

От добрых воспоминаний этих стало как будто легче. Так легко становилось ей всегда после разговора или похода в лес с дедом. А может, душа его и вправду сейчас незримо витала где-то рядом...

Поёжилась. Вечерний морозец уже давал о себе знать. Надо как-то добираться до дому, а то муж чего доброго кинется в розыск. Только этого ей ещё и не хватало.

Вышла на дорогу. И увидела невдалеке горящие подфарники какой-то машины. Значит, повезло. А может, сломался кто? Подошла ближе и глазам своим не поверила: «Скорая»! Андрей!!!

– Ты что, сумасшедший, весь день машину здесь держал?! – с ходу накинулась на парня.

– Что вы, Михална! Минут десять, как подъехал, честное слово! Садитесь, а то ведь промёрзли, небось...

Села в тёплую кабину и снова вся ушла в свои мысли.

Эх, дед! Если бы не та злосчастная медвежья охота. А ведь это я подбила тебя на неё! Ты долго не соглашался: «Медведь, Татьяныч, он ведь как человек. Грешно убивать его забавы ради... Валил я в юности медведя. В семье старшим был и пятеро мал мала меньше. Отца в лагеря сослали, мы с голоду пухли... Но после того зарёкся». Так ведь разве её убедишь?! Вошла блажь в голову: «Ну, дед, миленький, ну уважь! Чего только в жизни не перевидала, а вот на медведя ходить не довелось!»

Уговорила-таки. Закрутилось чёртово колесо. А у самой за день до охоты спину прихватило. Сдвинулся межпозвоночный диск. Аукнулась спортивная травма. Анатолия отпускала тогда одного с большой завистью. А как вернулся, взглянула на него, и заледенело в груди:

– Что с Титычем?!

– Охотоведа убил?! По ошибке.

– Где он?

– В больнице сейчас. Пытался на себя руки наложить. Представив всё, что произошло в ту ночь в корбах, замычала и уткнулась в подушку и вскрикнула от дикого прострела в позвоночнике. Вот оно, отмщенье! Это она, одна она виновата во всём! Вот уж точно бес попутал... А теперь и не встать, и не помочь! Не сбегать к нему! Вот она, карма! За все грехи разом! И это ещё только цветочки, ягодки – впереди!

Подробности узнала только на следующий день. Та ночь была промозглой, ветреной. Зверь к подтухшей требухе не подходил. Принялся моросить дождь. Шумели и поскрипывали деревья. Изрядно продрогнув, охотовед, давнишний приятель и родственник Титыча, крикнул напарнику, что сидел неподалеку: мол, что уж там, пошли, видать удачи не будет. Вышли на овсы, забыв дать Титычу знак фонарём, как это полагалось по всем правилам охоты. Не спеша двинулись к нему навстречу, по пути наклоняясь за крупным стручком случайно попавшего гороха. А Титыч тем временем прислушивался к каждому шороху, к каждому звуку в ожидании зверя. Среди охотников слыл он самым метким, бил птицу на взлёте без промаха. Да и зверя завалить чаще всего удавалось именно ему. Ни сном ни духом не ведая о помыслах приятелей, Титыч, заметив на обочине поля два тёмных движущихся к нему пятна, выстрелил. Но медведи не шарахнулись в сторону, как это обычно бывает в таких случаях, и вместо звериного рёва до него донёсся испуганный человеческий крик. Не помня себя, Титыч бросился к злосчастному месту. Последнее, что он услышал от друга, было: «Убил ты меня, Ваня! Ведь убил!» И обвис у Титыча на руках. Пуля, войдя в плечо, прошла туловище насквозь. Не будь рядом мужиков, застрелился бы дед, не сходя с места, да те успели выбить из рук ружьё в тот самый момент, когда он взвёл курок.

По дороге в больницу деда хватил инфаркт. Вот уж правда: нет худа без добра. Только это и помогло ему освободиться от навязчивой идеи покончить с собой. И хоть по-прежнему он ни с кем не разговаривал, при виде её душой чуть отходил.

– Дед, ты моих грибков хочешь? – по-детски картавя, спрашивала она. Он кивал, боясь обидеть. И она, счастливая, тащила к нему в палату и грибки, и холодец, и сырники с изюмом, не переставая лопотать что-то пустое, но милое ломаным детским говорком. Знала: Титычу это очень нравится, иначе не называл бы её в такие минуты нежно и ласково «Таточка». Анатолия же это просто бесило: «Кончай, Татьяна, выделяться! Не пятилетняя!» Несчастный! Какое ей было дело до него, если Титычу нравилось?!

– Дед, милый! Когда ты у меня на ноги-то встанешь? – нежно водя пальцем по его исхудавшему лицу, спрашивала она.

– Берёзового бы сока – мигом силы бы набрал...

И она молила, чтобы скорее пришла весна.

К Женскому дню Титыча отпустили домой отдохнуть от больничных процедур. Поборов неприязнь к его супружнице, Татьяна уговорила Анатолия навестить деда в праздник.

Дом Титыча был добротным, с большими, но почему-то уж больно печальными окнами. Снаружи и внутри его чувствовался свойственный деду порядок, подобранность. Однако вспомнились грустно оброненные дедовы слова: «Своими руками этот дом строил, сколько уж лет в нём живу, а будто всё здесь не моё. Бывает же так, Татьяныч?»

В доме было шумно. Как принялась объяснять супружница, нагрянули сыновья с жёнами да детьми, сват со сватъей, брат из Питера, племянница с мужем... Гремела музыка, пищала ребятня. Курили тут же, не утруждаясь выйти на улицу. Титыч лежал на кухне, на кушетке, укрывшись поверх одежды стареньким пледом. То и дело зычно ухала дверь, впуская и выпуская подвыпивших гостей.

Чувствуя, как начинает заводиться, она по привычке стала сама успокаивать себя: «Не лезь со своим уставом в чужой монастырь. Не думай, от этого деду легче не будет. Ведь знаешь, чем твоя «помощь» деду может обернуться...». А саму уже понесло.

– Анастасия Макаровна! С праздником, конечно, только уж больно шумно у вас здесь для больного. Нельзя ли закончить пиршество? Ему покой и тишина нужны, понимаете? Я ведь вас предупреждала.

Та капризно скривила губы.

– Что ж вы с порога-то с выговором? Я ведь постарше вас малость... К тому же у себя дома... Дети, внуки пришли поздравить... Куда денешься? Праздник ведь! Лучше бы к столу присели, водочкой угостились, пирожка моего отведали...

А у самой лицо от спиртного покраснелось, плюнь – зашипит. А глаза так и норовят ужалить.

Татьяна взглянула на деда – тот лишь растерянно улыбался. Тут же осадила себя: не кипятись, девка, не наломай дров. Взяла себя в руки, пододвинула табурет к кушетке.

Из гостиной донеслись хмельные выкрики:

– Михална! Зайдите, не побрезгуйте компанией. У нас, конечно, ничего особого, но гостям всегда рады...

Татьяна нехотя поднялась, заглянула в дверной проём, раздвигая головой бахромку из тряпошных тампончиков.

– За приглашение спасибо, но я, извините, не в гости пришла, больного навестить... Шумно у вас тут, а Иван Титыч только после больницы...

За столом зашевелились, завставали. Анастасия Макаровна, поджав губы, молча стояла в дверях. На лице её было написано: я, мол, ни при чем. Нашлось кому командовать...

Лысоватый мужчина с плотным сытеньким брюшком, очень похожий на хозяйку, оценивающе взглянул на Татьяну и цинично бросил:

– Ну, что ж, опекунша твоя, Титыч, женщина стоящая, такой можно не только дом, всё отказать... – и, сально хохотнув, направился к выходу.

Впервые за всю свою жизнь Татьяна не нашлась, что ответить. С мольбой взглянула на Титыча. Но тот отвёл взгляд.

– Ну, ну, дядя Коль, хватит ерунду городить! – облагоразумил насмешника племянник и под руку вывел на улицу.

Татьяна плохо помнила, что было дальше, как раскланялась с супружницей, кивнула гостям, что толпились во дворе...

А на другое утро на пятиминутке доложили: «Сидоров Иван Титыч в реанимации. Повторный инфаркт».

Боже! Завыть бы по-волчьи! Почему человек не может умереть тогда, когда хочет?! Была б на то её воля, она бы сделала это сейчас!..

Яркий свет встречных машин слепил глаза. Казалось, иная вот-вот наскочит на них, раздавит в лепёшку. С замирающим сердцем следила за стремительно летящими прямо на них огнями фар и, искушая судьбу, молила: «Ну!!!» Но машины с издевательским визгом проскакивали мимо... А ведь стоит чуть-чуть крутануть руль влево...

Взглянула на Андрея. Что это я?! Парень-то при чём? Не женат ещё... Уймись! Долго ли до греха! Вспомни, бабуля не раз говорила: самоубийц не приемлет ни земля, ни небо.

Прикрыла глаза, запрокинула голову. Ехать бы вот так всю жизнь... И чтобы никогда не кончалась дорога, никогда не замолкал мотор... И никаких остановок, никаких возвращений назад, даже на секунду, даже в мыслях! Даже... во сне! Ехать вперед! Днями, годами, тысячелетиями! Ехать и созерцать все: от холодных первобытных пещер до адовых старообрядческих «гарей», от сумятицы сегодняшних дней до... Хм! Размечталась, в детство впала! Да ещё с какими запросами... Посягнула на роль самого Господа Бога! Созерцать ей, видите ли, захотелось... Всё! Всё! Не хочу больше думать ни о чем! Устала... Боже! Как я устала!..

На щеку, наконец, выкатилась горячая вымученная слеза.

Пойти на похороны не могла, это было выше её сил. Анатолий – другое дело. Помощь мужская нужна. А ей прилюдный спектакль этот ни к чему.

Проститься с дедом она зашла вечером, накануне похорон. Найда, старая охотничья собака с обвислым животом, виляя задом и поскуливая, выскочила к ней и, от избытка чувств, принялась тереться линиям боком об её ноги. И тут же на крыльце появилась дедова супружница с поскуливаниями почище Найдиного.

– Горе-то какое, Миха-а-лна! Осиротели мы, Госпо-ди-и-и! Кормилец-то на-а-ш! Как мы теперь без него-о-о?!

«Кормилец-то – это точно, – неприязненно подумала Татьяна. – А вот плачешь ты не по нему, а по себе. Хотя не слёзы это, притворство чистой воды!» И хоть вслух ничего не сказала, та почувствовала, примолкла.

Господи! Дай мне терпенья, не дай сорваться в день такой! Грешно при покойном счёты сводить... Боже ты милостливый! Научи, как быть?! Что, как не могу я притворяться? Никогда бы не переступила порог этого дома, если бы, если бы... Помоги, Господи! Дай хоть минуту побыть с ним вдвоём без этих придиричьих и так ненавидящих её глаз!

Но чем больше просила она Бога, тем сильнее бунтовало всё её нутро. Казалось, что дом дышит на неё холодом, фальшью и злобой. Но ватные ноги упрямо поднимались по ступенькам.

Гроб стоял в широких, выкрашенных финской краской сенях. Вокруг толпились какие-то чужие никчёмные старухи в чёрных платках. Одна из них истошно голосила.

Этого еще только не хватало!!!

«В доме, конечно, для него места нет!» – всё снова взорвалось в Татьяне. Здравым рассудком понимала, почему гроб поставили в холод, но с собой было уже не справиться. Все раздражало: и порядок стерильный, не для души, показухи ради, и пироги румяные, что в глотку не полезут. Только бы выдержать, только бы не выкинуть чего на сплетни да пересуды. Ей-то на всех плевать, да разве можно осквернить память о самом дорогом человеке какими-то ничтожными дразгами!

Титыч лежал при параде. Таким Татьяна и не видела его никогда. От светло-серого костюма разило нафталином. В изголовье две свечи. Руки сложены на груди самым неестественным образом. Над мёртвым что хочешь вытворяй – не поспорит.

Подошла ближе. Перед ней расступились, освобождая место у гроба. Хотелось побыть с дедом вдвоём. И словно внимая её молитвам, люди потянулись из сеней в дом. Оставшись с покойным наедине, Татьяна поцеловала его в холодный лоб и прошептала:

– Что же ты, дед? А?!

Пламя свечи испуганно качнулось в сторону. От тепла ли сжалась и поползла вверх высохшая кожа, только брови у Титыча стали медленно подниматься, словно он хотел развести руками, мол, прости, Татьяна, так уж вышло... Даже почудилось, что Титыч дышит и то, что именуется душой, вдруг снова на миг вселилось в остывшее тело, чтобы проститься с ней по-человечески. И от этого стало как-то легче... Не могло быть такого, чтобы он не слышал её сейчас! Дед! Милый! Как ты мне нужен!!!

Снова почудилось просветление в застылых чертах такого родного ей лица. И голова её бессильно упала на грудь.

На какой-то миг Татьяна даже забылась и, наверное, сидела бы так всю ночь, но в дверь высунулась супружница.

– Пройди в дом-то, Михална, помяни деда моего, царство ему небесное!

– Помянуть-то помяну, только здесь, рядом с покойным, с вашего позволения...

Анастасия Макаровна вынесла ей стопку со спиртным и что-то на тарелке. Одним махом опрокинув рюмку в рот, как это делают заправские мужики, Татьяна прижала кулак к губам и отстранила рукой закуску. А внутри так всё и передернулось от недоброго взгляда хозяйки.

– Что пирожком-то брезгуете? – натянута улыбнулась та, неестественно втянув в себя и без того короткую рябую шею. Размытые, почти бесцветные глаза её сузились до предела и превратились в острые буравчики. Вот-вот уколут... У, ведьма!

Слегка хлопнув обитой дерматином дверью, супружница вместе с тарелкой исчезла в кухне.

Со стены, лязгнув, упал охотничий нож. Татьяна вздрогнула от неожиданности, нерешительно подняла его, погладила лосиную шерсть кожуха, прижала к щеке и повесила обратно. Дед в лесу без этого ножа не обходился. «Вот умру я, – однажды в больнице невесело пошутил он, – нож этот, ружьё и дом отцовский тебе откажу. Я уж об этом своей супружнице сказал...» – «Я тебе умру! – пригрозила она тогда ему. – Вот язык-то без костей! Трёкает не дело!.. Что ж, я зря семь лет медицине училась? На кой ляд она мне сдалась, если любимого деда не уберегу!» Не уберегла!!! Ах, Титыч! Милый мой дед! Как же это я так, а?

Вспомнилось, как Титыч брал их с мужем на отцовскую вотчину порыбачить, поохотиться, ягод побрать.

Отцовский дом Титыча стоял на самом берегу лесного озера в одной из заброшенных карельских деревень. И сохранился лишь по той причине, что использовался под ночлег приезжими рыбаками да охотниками. До той безлюдной деревушки, в глуши соснового бора, добраться можно было только мотоциклом или вездеходом, потому как на дороге той сам чёрт ногу сломит. А деревня – сказка! Вдоль песчаной дороги берёзы, осины, клёны... Ягоды на смородиновых кустах, что прячутся среди крапивы, бурьяна, иван-чая, как вишни. Только попробуй доберись до них... Ядреные заросли, пожалуй, и верхового укроют с головой.

Сам дом срублен был основательно. Половицы в сенях из широченных плах. Где только и брали такие?! Русская печь, что занимала четверть избы, до сих пор топилась исправно. И даже в заколоченных ставнями окнах стекла в рамах уцелели. Из мебели сохранились, правда, только лавки да стол. Из посуды миски и чайник. Дед укладывался спать на печку, они с Анатолием на пол. Среди ночи дед, бывало, не раз подойдёт к ней и подоткнёт под сенной матрас старенькое одеяло, чтобы ей ненароком не надуло в спину. И от этих его заботливых прикосновений по всему телу разливалась сладостная нега... Эх, де-е-д!

А в сенях уже снова стал собираться народ.

– Кто это? – донесся до неё чей-то любопытный шёпот. – Дочка, что ли?

– Не-е-е, докторша, которая лечила...

– А чего это она так долго возле него сидит?

– Кто её знает...

Татьяна поняла, что время уходить. Тяжело поднялась, отозвала хозяйку в сторону.

– Анастасия Макаровна, не разрешите ли на память взять? – и кивком головы указала на нож, что висел на стене.

Та замялась.

– Э... дык... как дети решат... – И вдруг усмехнулась: – Сыновей двое. Им, поди, нужнее. Так что... не зн-а-ю. – А в бегающих глазах так и читалось: «Теперь уж не дед, а я буду решать, и вряд ли тебе здесь светит что, голубушка».

– Ясно! – выдохнула Татьяна. И, не прощаясь, вышла на крыльцо. Хотелось скорее глотнуть свежего воздуха. Горло сдавило так, словно перехватили его потными цепкими руками. Найда опять уткнулась носом ей в колени. А ей вдруг смертельно захотелось спать. Захотелось так, что стало подташнивать. Боже! Скорее бы коснуться головой подушки. Что это с ней? Только бы не упасть... Вот и их подъезд. Чёрт побери! Ей не подняться на пятый этаж... Неужели так опьянела с одной стопки? Все плывёт перед глазами!.. Ступеньки слились в одну серую ленту. Титыч! Милый! Я ведь так и не успела отвезти тебя на рыбалку. А ты просил тогда, в больнице... «Возьми меня, Татьяныч, с собой на рыбалку, ладно? Хоть пользы от меня теперь никакой, понимаю, да больно хочется ещё хоть раз на воду посмотреть...» «Дед! Милый! О чём разговор! Будь я – не я, если не отвезу тебя на озеро! Идти не сможешь – на руках понесу. Вот увидишь! Провалиться мне на этом месте!..»

Не провалилась!!! А его больше нет! Вот она, чёрная подстреленная птица... И снова в памяти, надрывая последние нервы, далеким эхом прозвучал родной голос: «Татьяныч!!!» Жуткое эхо это беспомощно металось внутри пятиэтажного каменного колодца, испуганно отскакивая от наглухо закрытых дверей: «Татьяныч!», «Татьяныч!», «Татьяныч!», пока, наконец, колокольчик дверного звонка не прервал этот, полный отчаяния, то ли крик, то ли шёпот.

II

Наутро вставать не хотелось. Болела голова, болела как-то необычно нудно. Даже трудно было открыть глаза... Боже! Что это?! Потёрла руками веки. Что за чертовщина?! Маришка!!! Доченька!!!

– Ну что ты, мам, так кричишь? – сонно отозвалась с постели та.

– У нас в комнате свет включён?

– Да-а... А что, выключить? Ты ещё спать будешь? Но Татьяна не ответила. Только бы не напугать всех... Слышала, как моется в ванной Анатолий, как пыхтит на кухне чайник, как позёвывает и потягивается на кровати Маришка... А перед глазами ничего, кроме чёрной стены!

Снова сомкнула веки. Воображение вырисовывало привычные картины домашней обстановки. Сразу за диваном книжная полка, что отделяет Маришкин уголок в их тесной однокомнатной квартире. Справа у стены сервант, в который удачно вписался телевизор. Над дверью, что ведёт в кухню, причудливо выкроенный ею занавес. В самом углу шкаф. Рядом кресло-кровать и журнальный столик на колёсиках, который они раскладывают и накрывают, когда приходят гости.

Дотронулась рукой до стены, погладила пальцем ворс ковра. Дотянулась до ночника, включила, надеясь увидеть вспышку света. Ничего подобного!.. Словно бросили в чёрный колодец и закрыли сверху плотной крышкой...

От ужаса на голове стало стягивать кожу, будто кто заплетал ей волосы в тугие косички. Снова вспомнился сон и чёрный дятел... Спокойно, Татьяна! Спокойно! Сейчас всё пройдет. Бывает же временная потеря зрения на фоне нервного потрясения. Бывает же такое, ну, ведь бывает!

– Вставай, Татьяна, вставай, на работу опоздаешь! – Это мимо прошёл Анатолий. Сейчас будет одеваться. А вот проскочила в ванную Маришка...

– Тебе что, сегодня во вторую? – не унимался муж. – Что молчишь-то? Уставилась, видите ли, в одну точку и мечтает с утра пораньше... Титыч, конечно, святой человек, жаль старика, но ведь нужно же себя как-то в руках держать... Неужели Макаровна так расщедрилась, наугощала?

– Толя, подойди сюда, закрой дверь в кухню, сядь...

Тот послушно присел на краешек дивана.

– Говоришь таким голосом, словно в наследство тебе невесть какую сумму отвалили и ты не знаешь, что с ней делать...

По голосу чувствовала, что он ехидно улыбается. Идиот!!! А перед глазами всё та же стена. Чёрная, глухая, невыносимая!

– Я ничего не вижу, понимаешь? Ослепла! Полностью! Маришке пока ничего не говори, пусть спокойно уйдёт в школу... Я вчера выпила только одну стопку... Так что оставь свои дурацкие шуточки! Мне просто было плохо... Уже вчера было плохо, слышишь?

Он молчал. Она близко ощущала его тревожное дыхание.

– Ты что, серьёзно? – взял её за руку.

– Неужели похоже, что я шучу?! – раздраженно вырвала она руку.

Вошла Маришка.

– Чего вы тут шепчетесь?

– Мама плохо себя чувствует... Ты давай кушай да иди в школу.

– Мам, ты чего? – наклонилась к ней Маришка. Татьяна закрыла глаза. Нежные губы дочери коснулись её щеки. – У тебя голова болит?

– Да, иди, доченька, я посплю. – И отвернулась лицом к стене. Маришка игриво пощекотала кончиком косы ей под носом. Как приятно пахнут её волосы! Птенчик мой... Ей ведь ещё только двенадцать... Случись что с ней... А впрочем, что я нюни-то распустила раньше времени? Нужно немедленно вызвать «Скорую». Пусть отвезут в больницу, сделают снимки, вызовут Сергея Петровича... Он толковый мужик, хоть и любит выпить. Если что серьёзное, пусть отправляют в Ленинград спецрейсом, там, в институте, есть неплохие нейрохирурги...

Ах, дед! Ах, Титыч! Что же ты со мною сделал? Вот она, чёрная тень, закрывшая лицо... А ведь раньше никогда не верила в сны, считала их бредовой прихотью бездельников.

Снова открыла глаза, и снова натолкнулась на стойкую черноту. Горько застонала и в ярости взмахнула руками, словно хотела разорвать тёмную пелену. Но голова бессильно откинулась на подушку. Из открытых невидящих глаз медленно выкатились слёзы.

Институт нейрохирургии имени Поленова, где валялась Татьяна уже третий месяц, славился своей доброй репутацией по всей стране. Однако профессора и приглашённые консультанты, изучая снимки и результаты анализов, в недоумении разводили руками. Зрение не возвращалось. А ведь ничего не болело, не беспокоило. Мучилась только от досады. Сама врач, она никогда не предполагала, что медицина может быть столь бессильна.

В палате, кроме неё, были ещё трое. Молоденькая девушка из Барнаула, Ларочка, с подозрением на эпилепсию, женщина лет тридцати с очень приятным голосом и, судя по всему, с такой же привлекательной внешностью да ещё одна пожилая дама, обследуемая на опухоль головного мозга. Коренная ленинградка, она держалась очень важно. С гордостью рассказывала о том, что всю жизнь не работала, муж её очень ценил и уважал. Татьяна не смогла сдерживать усмешки. Надо же! А тут не везёт всю жизнь!

Четвёртый раз замужем, а всё вкалывать приходится, хотя тоже не из тех, кого не ценят...

Обстановка в палате, несмотря на разницу в возрасте её обитателей, была неплохая. Сохраняя и в этом плачевном своём положении иронию, Татьяна, хохмы ради, называла себя «подслушивающим устройством КГБ». Уши невольно и теперь уже более обостренно ловили всё, что творилось вокруг: каждый вздох, каждый скрип, каждое слово... Никогда не была любопытной, всегда считала это ниже своего достоинства, однако нынче это качество, возможно, оставалось единственным проявлением интереса к жизни.

К Марии Александровне то и дело приходил кто-нибудь из родственников, словно они договорились не оставлять её одну со своими нелёгкими мыслями ни на минуту. Всё время забавляли её разговорами о внуках, соседях, племянниках... Приносили фрукты, овощи, сладкое и обязательно что-нибудь горячее в термосе. Больничного Мария Александровна не ела. Такое внимание к себе родственников умиляло её. Татьяна же поражалась. Ей видеть никого не хотелось. Ну, разве что дочь...

Ларочка, несмотря на свои восемнадцать лет, была настолько наивной, что мыслила, как Маришка. Татьяна с удовольствием слушала её веселую болтовню. А по ночам у девушки случались приступы, которые приводили в ужас женщин. Татьяна, не поднимаясь с кровати, давала им ценные указания: «Прижмите к постели руки и ноги! Всуньте в рот полотенце! Положите на лоб мокрую пелёнку!»

Третья их соседка по палате, Людмила, была на первой группе инвалидности и приезжала в институт регулярно на выкачку жидкости, что скапливалась в задней части левого полушария головного мозга. По словам Ларочки, припухлость эта несколько не портила женщину. Она так искусно обвязывала голову косынкой, что казалось: у нее под платком пышная причёска. Привыкшая к своим бедам, Людмила и в больнице жила полной жизнью, с готовностью откликалась на ухаживания молодого грузина по имени Важо. Заглядывая к ним в палату, Важо сыпал шутками и анекдотами, словно находился не в нейрохирургии, а в санатории. И, казалось, совсем не думал о предстоящей операции на мозге.

Людмила появлялась в палате редко, и поэтому все разговоры крутились только вокруг её любовных приключений. Мария Александровна в открытую Людмилу не осуждала, но чувствовалось, что в глубине души она чисто по-женски завидует этой молодой паре. Ларочка же, наоборот, восхищалась этим необычным романом и вечерами шепталась с Людмилой в коридоре, выспрашивая все подробности их взаимоотношений.

Татьяна принимала всё как должное. Молодец девчонка! Если бы не эта слепота, она тоже бы нашла себе немало развлечений. Да куда тут денешься, если даже до туалета поводыр нужен. Раньше, болея, она могла читать, писать, вязать, смотреть телевизор. Теперь оставалось одно – слушать. Обрисовывая от безделья внешний облик соседей по палате, посетителей, медработников, она забавлялась, убеждаясь со слов других, что всё совпадает. Однако всё чаще собственная беспомощность начинала просто бесить. Она резко садилась на кровати, до крови кусала губы и в ярости трясла головой, словно пыталась сбросить с глаз ненавистную чёрную повязку. Нет, дьявол не мог придумать для нее кары изощренней!

Раздумывая над смыслом брэнной жизни нашей, а уж теперь-то на это времени у неё было предостаточно, всё больше склонялась к мысли о существовании каких-то сил, которые предопределяют человеческое бытие. Ведь есть что-то, что ставит в зависимость от времени рождения каждого человека его судьбу и характер. Вот она, например, Весы, рожденные в год Кота. Ей прочитали в газете «Натали» гороскоп – она прямо обомлела: ни слова ни прибавишь, ни убавишь! Будто кто её по косточкам разобрал...

В гаданье не то чтобы верила, но и не отмахивалась. Гадали ей в жизни трижды и, что самое странное, каждый раз называли одну и ту же дату смерти...

И вдруг вся заледенела, пошла липким потом, который струйками начал стекать с лица, живота, лодыжек... Ей же тридцать восемь в декабре, через полгода! Господи, как же она забыла об этом?! Всё время держала в голове, а тут забыла... Почему только сейчас ей это вспомнилось? Прямо мистика какая-то, не иначе.

В Воронеже возле базара часто останавливались на постой цыгане. Нельзя сказать, что это было по душе местным жителям, особенно тем, кто торговал на рынке, да что поделаешь? Народец этот – точно саранча: нагрянет – не спросит, законы им не писаны, к недобрым взглядам они привычны – этакие мелочи их не щекочут. И вот уже раскинуты латанные палатки, перекликаются ржаньем породистые кони, поскрипывают колеса причудливых фургонов. Базарная площадь полна цыганского гиканья, зазываний услужливых ворожей, бесполезных проклятий местных ротозеев, у которых чумазные цыганята, применяя всяческие хитрости, весело, вроде бы играючи, крадут всё, что плохо лежит.

Несмотря на некоторую брезгливость, цыган Татьяна уважала за наглую дерзость, полное отсутствие комплексов в повадках и одежде, за редкое умение жить в угодку своим желаниям и ещё что-то неуловимое, что роднило её с ними. Вот почему, узнав о приезде цыган, уговорила однокурсников, только-только «сваливших» сессию, повеселиться среди этой праздной публики. Расторопные цыганки тут же стали хватать за руки девчат, пророча им любовные утехы, удачные замужества, долгую счастливую жизнь. Но почему-то ни одна из гадалок не подходила к Татьяне. Её это удивило, потом разобрало. Сама цепко схватила за руку молодую девушку в цветастой юбке и потребовала:

– А ну погадай, милая! И не дай Бог тебе мне что-нибудь соврать!

Но та взглянула на неё так, что у Татьяны от изумления брови сами поползли вверх. А цыганка вдруг злобно прошептала:

– Ведьма ведьме не гадает!

– Что-о-о! – вскипела Татьяна. – Ах ты, чумазая! А ну води к бабке своей, раз сама врать разучилась!

Девчонка попыталась выдернуть руку, но не тут-то было! Просто так от Татьяны ещё никто не уходил.

Худая, с темными рифлёными морщинами старуха подошла к ней сама. Подобные мху-ягелю, космы её волос небрежно выбивались из-под тёмной шерстяной косынки, завязанной сзади узлом.

– Чего к девке пристала? Отпусти! – дребезжащим голосом потребовала она. Да так, что руки у Татьяны невольно разжались под её спокойным гипнотизирующим взглядом.

– Гадать не хочет. Где это видано? Я заплачу...

– Никто тебе гадать не будет, – всё так же спокойно изрекла старуха. – Не заводись, ступай себе мимо, тебе мой совет... – И, отвернувшись, пошла за внучкой, которая маленьким зверьком все ещё косилась на Татьяну.

Татьяна опешила и, чтобы не подать виду, ринулась к бородатому цыгану, который обхаживал лошадь. Судя по его степенному, полному достоинства виду, он был старшим в таборе.

– Эй, ром! Может быть, ты за червонец что-нибудь скажешь?

Стрельнув голубоватыми белками, цыган хитро прищурился, потерял курчавую бороду и, смягчая согласные, спросил:

– Что хочешь знать, красавица? Так и быть, отвечу тебе на один вопрос.

Татьяна протянула ему ладонь, на которой красовалась денюга.

– Во сколько лет умру?

Белки его огромных и, как у лихого жеребца, настороженных глаз снова блеснули и спрятались в щелочки, из которых теперь буравили её любопытством чёрные зрачки.

– Зачем тебе это? Живи на здоровье... – и хотел тоже отвернуться, но Татьяна дёрнула его за рукав.

– Ну, хочешь четвертной дам! Подумай хорошенько. За одно слово – четвертной! Он ведь на дороге не валяется... Скажи, не дури! – и быстро заменила одну бумажку на другую.

Он ухмыльнулся, взял её в руки, повертел, разглядывая со всех сторон, и поспешно спрятав в карман жилета.

– До тридцати восьми!

Татьяна, довольная, крутанулась на каблучке и пошла догонять друзей. В её распоряжении было целых семнадцать лет – уйма времени!

А когда проходила интернатуру, на приём к врачу-ортопеду молодая цыганка, звали ее Соня, принесла своего сына. Извлекая из груды тряпья кричащее чадо, она звонко хлопала его по смуглой попке, приговаривая: «Молчи, Петечка, молчи!»

Женщины уступили ей место на пеленальном столике – только бы подальше от вороха затхлой ветоши. Не обращая внимания на их косые взгляды, шумная особа плюхнулась на свободное место, подметая пол длинной оборчатой юбкой. Оставив орущего на столе Петечку, тут же стала предлагать свои услуги гадания. Первыми подошли к ней ухмыляющиеся медсестры, потом две совсем юные мамыши. Стали уговаривать и Татьяну испытать судьбу. Та сначала отмахнулась:

– Идите вы! Я и так про себя всё давно знаю. Умру в тридцать восемь лет. Не верите? Ну, зовите Соню, она вам подтвердит.

Однако Соня, заглянув в дверь, тотчас отпрянула назад, что не могло не задеть Татьяну. Да что это они все, как сговорились! Сама вышла в коридор.

– Что это ты, душа моя Соня, обошла меня? Чем я тебе не по нраву пришлась?

– Что ты, милая, что ты?! – суетливо затарахтела Соня. – Жалко мне, что ли? Протяни, ненаглядная, руку, всё скажу, ничего не утаю... – но, взглянув на ладонь, осеклась и пошла на попятную. – Прости, милая, мне ведь гадать нельзя, забыла совсем, тётка недавно умерла...

– Та-а-ак, – многозначительно протянула Татьяна. – Видали? Знакомая песня... А ну-ка зайди!

Затащив насмерть перепуганную Соню в кабинет и всё ещё крепко держа её за руку, поднесла к глазам ладонь:

– До сколько лет буду жить? Говори, не юли.

– Ну, зачем тебе это? Молодая, красивая, справная, а глупостью маешься, – увёртывалась цыганка, но Татьяну разве остановишь? Пустила в ход недозволенный приём:

– Хватит причитать! А не то Петечке твоему ненароком ноги не в ту сторону поверну!

Угроза попала в самую точку.

– Ладно, отвечу – на один вопрос, – наконец смирилась Соня.

– А мне больше и не надо. Во сколько лет умру?

– В тридцать восемь! – выкрикнула, будто плюнула ей в лицо та, резко развернулась и опрометью ринулась вон из кабинета. Наспех запеленала своего Петечку, схватила на руки и больше никогда не появлялась в поликлинике.

А Татьяну одолели тяжёлые думы. Что это? Прихоть? Игра судьбы? Совпадение?

Недалеко от Воронежа, в глухой деревушке, жила бабка-бессарабка. По слухам, она лечила даже рак и умела предсказывать судьбу. Татьяна, в силу своей натуры и профессии никогда не верившая в эти бредни, вдруг загорелась желанием навестить популярную в их краях вещунью. Отыскать её оказалось делом не столь трудным. Из автобуса к её дому спешили люди, молчаливые, угрюмые, с явным страданием на лицах.

Дом вещуньи, к великому удивлению Татьяны, не отличался справностью. Уже судя по скособоченным воротам, было ясно, что живёт старуха одна, без хозяина. На задворках небольшой мазанки было полно разного хлама, до которого старухе, видно, не было дела.

На покосившемся обшарпанном крыльце лежала грубая циновка, об которую все усердно вытирали ноги, боясь вызвать неприязнь всевидящей хозяйки. Уже в коридоре в нос ударил запах затхлого старческого жилья и каких-то терпких трав.

Бабка встретила Татьяну не очень дружелюбно. Не поворачиваясь, раздражённо спросила:

– Зачем явилась? Ведь знаешь всё...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.